

ОСОБЕННОСТИ ДЕТСКОГО ДИСКУРСА В РАССКАЗАХ Л. Е. УЛИЦКОЙ

Феномен детства находится сейчас в центре внимания социума и наук, направленных на изучение социально обусловленных процессов, а значит, и социологов, педагогов, психологов, искусствоведов, литературоведов, лингвистов и т.д. Среди малоизученных ракурсов выделяется вопрос гармонизации отношений в рамках партнерства «взрослый – ребенок» и отражение этого процесса в культуре, литературе, языке.

Определяя воспитание как абсолютную часть особой реальности – детства, чаще отождествляют этот процесс с процессом воздействия. И реже в качестве обязатель-

ных элементов упоминают приятие, взаимозависимость и взаимответственность. Однако именно обоюдная деятельная заинтересованность во взаимодействии может привести к установлению гармонии. Ребенок – не объект, а партнер по духу, и его вклад в формирование гармонии не менее значим, чем вклад взрослого. А взрослый не менее ребенка зависим от созданного или не созданного равновесия в отношениях.

В произведениях русской литературы герои-дети более склонны искать гармонию в отношениях со взрослыми, чаще полны ожиданий и сами являются источником гармонии. Возможно ли сделать вклад взрослого в создание гармонии равнозначным, равновеликим? Крайне актуально рассмотрение и анализ художественной концепции детства в произведениях писателей постсоветского пространства, так как это дает представление о статусе проблемы в современном мире. Интересно и оригинально воспроизведен детский дискурс в рассказах известного российского автора Л. Е. Улицкой.

Обратим внимание, во-первых, на утвержденный в текстах факт наличия / отсутствия актуального знания как у взрослого, так и (в наивной форме) у ребенка – о возможности установления гармонии, во-вторых, на отражение обоюдного желания реализовать это знание, и, в-третьих, на идею социального «шума», который влияет на равновесие.

В языковом пространстве художественного текста знание о возможности равновесия в отношениях может манифестироваться с помощью характерных лексем (понимать, понимание, осознавать, осознание или их метафорических переосмыслений, описательных вариантов). Эти и подобные лексемы не часто появляются в рассказах Л. Е. Улицкой в детском дискурсе, намного чаще их можно встретить в дискурсе «взрослом». «В словах они мало нуждались, улавливая все взаимными сердечными токами» [1, с. 164]. Этими словами автор характеризует отношения бабушки и дедушки одиннадцатилетней Лили Жижморской, главной героини рассказа «Второго марта того же года...», говорит о полноте взаимного доверия [1, с. 165] между взрослыми, любящими друг друга людьми, но обожаемая внучка Лили является именно объектом воздействия, и речевая составляющая дискурса это подтверждает. Девочка, бабушкой выкормленная, выправленная, однажды попыталась «заболеть», и бабушка, измерив температуру, вынесла приговор... [о том, что надо работать. – В. Т.] [1, с. 169]. Внутренний мир девочки остался за семью печатями, и бабушка, не слушая ответа [Лили. – В. Т.], ...волокла упирающуюся девочку... [1, с. 175] и т.д. И ничто в речевом дискурсе рассказа не говорит о наличии у взрослых знания о возможности установления гармоничных отношений с ребенком и, естественно, желания их утановить. Не зря одна только Лили пытается понять прадедушку, не может понять учительницу и понимает кое-что в своих отношениях с Бодриком. Мир взрослых в рассказе – это благородный, но застывший, замкнутый мир, где часть алгоритма – воспитание ребенка, суть воздействие на него. Понятия справедливости Белы Зиньковны, как и все предметы мебели в ее комнате, симметричны. Что же касается Лили, то просторы сна, в которых она пребывала, забившись на единственный неудобный диванчик, были столь убедительно единственными, что исключали и самую возможность ... парности, симметрии [1, с. 174].

Таким образом, у Л. Е. Улицкой обозначена четкая граница между взрослым миром и миром ребенка. Маленькие герои ее рассказов наблюдают мир взрослых, «применяя» его на себя, успешно или безуспешно пытаются его понять; а с другой стороны забора нечасто и с удивлением заглядывают в детский мир взрослые, привычные растить, но не понимать, встречаться на одной жилплощади, но не в одном мире.

Взрослые Л. Е. Улицкой поглощены собственными желаниями. Одним из таких желаний, как уже было сказано, является стремление вырастить ребенка, заботиться

о нем, любить его. Однако понятие истинной любви здесь подменяется представлением о себе как о заботливом и любящем родителе.

И тогда появляется Симка, мать Броньки. Она без усталости работает, гордится своей красавицей дочерью и, когда в седьмом классе та беременеет, а потом еще и еще раз, даже не упомянув об отце своих детей, из уст ее матери звучит удивительная фраза. Симка живет стереотипами своего мира, где безотцовщина – позор, поэтому в душе она лелеяла облегчительную версию изнасилования [1, с. 22]. Все слова этой фразы – знаковые, обусловленные временем и пространством. Особенно слово душа. В контексте рассказа это лишь часть идиомы желать / понимать / чувствовать в душе / в глубине души, где речь идет о 'некой мысли / некоем желании, о чем-то, что не хочется или невозможно высказать', и часто это страх, нечто негативное или постыдное. Понятие души фиксируется, искажается в системе параллельных, непересекающихся миров – в рассказе это миры матери и дочери.

Ярким примером парадоксальной непересекаемости миров взрослого и ребенка при огромной любви к этому самому ребенку со стороны взрослого служит рассказ Л. Е. Улицкой «Покидыш». Проницательная бабушка Эмма Ашотовна [1, с. 138] обожает вучек, отец не просто любит дочерей, но млеет от обеих [1, с. 138]. Дети находятся в центре семейного мироздания, но та самая проницательная бабушка совсем не интересовалась отношениями девочек [1, с. 147], и когда случается беда – одна из девочек исчезает – взрослые растеряны, и в их коротком диалоге звучит привычная для важной части детского дискурса (оценивание взрослыми своего участия в жизни ребенка) сакральная фраза (из уст отца):

– Сержа, что же это такое с ней случилось, а?

– Бог знает, мама. Совсем ничего не понимаю: всё есть у девочки... [1, с. 161].

Взрослые оценивают свое участие в жизни ребенка как достаточное. Очевидно и логично, что в это всё входят не только материальные блага, но и любовь взрослых. Однако любовь не деятельная, не любовь-понимание, приятие, взаимозависимость и взаимответственность. И замечаем вновь: автор манифестирует речевыми сигналами отсутствие знания о мире ребенка, о возможности быть в гармонии с этим миром (Бог знает (= не знаю), *мама*. Совсем ничего не понимаю...).

В рассказе «Бедная счастливая Колыванова» взрослый разрешает ребенку устраиваться в его мире и пользоваться им. Мир взрослых представляется детям театром, инобьтием, за которым можно лишь наблюдать. И следуя в отдалении за учительницей и ее возлюбленным, Таня испытывала счастье прикосновения к прекрасной жизни – как в кино, как в театре [1, с. 209]... Некоторым детям даже приходило в голову мечтать о переходе в подобный мир (Вырасту и обязательно сошью себе такой же костюм в клеточку – наблюдает одна из учениц за «божественной» учительницей [1, с. 203]). Бедной Тане же не приходило в голову о таком даже возмечтать [1, с. 205], то есть вновь автор манифестирует отсутствие знания о возможности равновесия в общей вселенной. Зато в голову именно этой девочке, которая, принеся немислимую жертву, тайно дарит своей учительнице огромную корзину цветов, автор вкладывает мысли о гармонии мира: ...и еще было невыразимое чувство соучастия в прекрасной гармонии мира, которой она послужила [1, с. 216]. Именно ребенок – источник гармонии (хотя высокое понятие соучастия автор намеренно снижает понятием служения). Тогда как взрослые старательно разрушают равновесие. Ибо то прекрасное, что наблюдает Таня, – это в действительности фасад несчастливой взрослой жизни, полной нелюбви, ревности, мести, злобы, измен.

Один из парадоксов этого рассказа в том, что детский дискурс здесь дополняется отраженной гранью – ребенком во взрослом. «Божественная» учительница Евгения Алексеевна после ссоры с ревнивым мужем морщилась от боли и злорадно, по-дет-

ски, твердила про себя: «И буду, и буду, и всегда буду!» [1, с. 217]. Традиционно дискурсное пространство детства в рассказах Л. Е. Улицкой представлено в двух аспектах: во-первых, герои текстов – дети; во-вторых, герои текстов – взрослые, которые так или иначе поступают с детьми, реализуя в этих поступках свой менталитет и/или нравственный статус. Однако в некоторых текстах явно проступает третий аспект: герои текстов – взрослые, в которых живет и проявляет себя ребенок. И чаще всего этот ребенок – несчастен и одинок.

Таким образом, к особенностям детского дискурса в рассказах Людмилы Улицкой относятся взаимоотношения, сторонняя заинтересованность ребенка во взрослом мире, театрализация взрослого мира. Со стороны взрослых (в их отношении иприятии детей) определяются: жесткое подчинение принятым ментальным канонам, невидение перспективы их разрушения (отсутствие актуального знания), незаинтересованность в выборе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Улицкая, Л. Бедные, белые, любимые : Повести. Рассказы / Л. Улицкая. – М. : Изд-во Эксмо, 2006. – 384 с.